

Длительное свидание

Евген Аксарин

Очень короткая повесть

«...к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь»

Экклезиаст 1:7.

Когда вышли на плац, голубизна над головой плеснула вширь, ударила в красную черепичную крышу привратки,* отпрянула, заколыхалась.

□ Ур-ра! Там свобода! □ Семён Ковтун, вертухай,** дурашливо заорал, настаскал указательные пальцы обеих рук в сторону двух железных калиток. Они открылись. Одна за другой.

И нахлынул туман.

Неомрачённым краем сознания Иван Паскевич определил: это похоже на сомнамбулу. Антураж пустой конторы расплывался в слабом свечении окна. Из окошка в дощатой перегородке неказистое женское лицо спросило фамилию, имя-отчество. Потом рука протянула Паскевичу деньжата и две бумаги. Он расписался на одной и вернул обратно. Другая мелко дрожала перед глазами.

Вольная...

Он вышел из конторы и на крыльце остановился.

Вот кадр улицы. Весна, дома в свете. Деревья, потянувшие молодого сока, □ изумрудном...

«Люблю тебя в зелень одетой. И ветер зелен, и листья...»***

Люди. Ишь ты, люди. Разнообразные. В плащах и дем.;. С авоськами и портфелями. И каждому куда-то нужно идти. И есть куда идти.

Паскевич набрал полную грудь воздуха, выдохнул и тоже пошёл. Куда глаза глядели. По асфальтированной дорожке. В город.

Но поглядывал украдкой в сторону высокого забора из красного кирпича, пока тот не окончился. За ним - хата за хатой, жильё потянулось. Человеческое.

О, курочка!.. А дальше, в глубине двора, - ещё несколько.

А вот и петушок. Крылья распростёр. Будто из древности еврейской прилетел, из жилища вблизи двора первосвященнического. На забор взлетел, заголосил. К совести возвзвал.****

Вслух, тихо - Паскевич ответил:

- Ты со мной, Господи. Всё будет путём.

И туман отступил. Паскевич понял, куда ему нужно идти.

Он вышел на площадь. Лысоголовый памятник стоял на своём месте. Всё так же.

Привычно, не глядя на блёклый базальт, Паскевич свернулся в гастроном.

Люди. Люди. Всегдашняя очередь. Шум, смех, словесный пинг-понг.

Могучий мужчина □ лицо а ля Шварценегер □ молча стоял у стойки и долго смотрел на молодую остроглазую продавщицу. А она, казалось, не обращала на него внимания □ подавая взвешенные продукты покупателям, пыталась очередь исчерпать.

Мужчина всё-таки решился:

- А меня вы отпустите?

- Вас? – Продавщица засмеялась. – Вас не отпущу. Ни за какие деньги.

- Ну тогда дайте мне кусок колбасы, а то я ноги протяну от этой любви.

Паскевич отвернулся, вышел из очереди: будет ещё колбаса, и хлеб, и к хлебу.

Только не торопиться,

Только не суетиться,

Только бы не напиться

Гадости из копытца.

Как это там, в латыни?.. Ага, *festina lente!****** Не забыл ещё университет, недоучка?

Свернул уже за угол, на Подгорную, и тут подошла женщина. Через десять лет.

- Извините, вы местный?

Конечно. В доску местный. Как посаженное дерево.

□ Да, местный * □ Паскевич видел её всю и боялся поверить в реальность вИдения. Ру

волосы, туго заплетённые в длинную косу, ниспадали долу по тёмному фону пальто.

Большие голубые глаза, чуть прищуренные...

- Подскажите, пожалуйста, как на автовокзал попасть.

...Фигура и осанка – сверх ожидания...

- Пойдёмте. Нам по пути.

- А не подскажете, каким автобусом добраться до Паленковиц?

Вон что! Паскевича озабочил.

Господи, неисповедимы пути Твои!

Не вспомнил, что надо улыбнуться, □ как привык ещё в зоне, давно, в первый же год

Просто улыбнулся – щедро:

□ Вот так совпадение! Оказывается, мне тоже туда надо * Если позволите * □ Он взял

сумку. И они пошли. Вместе.

В виду автовокзала Паскевич спросил:

- А вам туда зачем?

□ Справку в сельсовете взять. Муж соседки, покойный, там председателем был. Ей для пенсии надо.

- А где же вы живёте?

- У самого синего в мире, у Чёрного бурного моря.

- А здесь какими судьбами? За справкой, что ли, специально?

- Нет, не специально. Я у сестры гостила. В Сколе, в горах.

- Так ты... так вы отсюда родом?

- Да нет, сестра эта по Иисусу родная.

- Так вы... – Паскевич остановился, поставил сумку на тротуар. – Так ты тоже!

Глаза – в глаза. Она руку протянула. И он протянул.

- Меня Катя зовут.

- Иван. Паскевич.

Маршрутка, выписав кругую дугу, подкатила к стоянке. Как такси.

Они вошли и □ у Ивана Паскевича глаза разбежались: не салон □ иконостас. Приснодев

Никола Чудотворец. Великомученица Варвара. Георгий Победоносец. Пантелеймон

Целитель. Андрей Первозванный...

Молча – Паскевич решил:

«Буду говорить о Тебе, Господь». □ И шофёру, мужчине средних лет, уже полнеющему:

Здравствуйте. У вас тут, как в церкви: образа, образа, такие внушительные. Вы, наверно, христианин?

Шофрёр усмехнулся:

- Не-а, я православный.

Паскевич и Катерина переглянулись.

- Вам куда? - Шофрёр начал вовлекать их в свою тему.

□ Как □ куда? До Паленковиц. □ Глаза Паскевича округлились. □ Это разве не рейс автобус?

- Рейсовый, но машина моя. Если не будет людей, не поеду.

- А мы что - не люди?

- Люди, но немного... Да и машина что-то не хочет ехать.

- Что, нет бензина?

- Бензин есть. Зажигание плохое.

Иван, зэк, понял. Достал из кармана деньги. Половину отпускных.

- Вот... - протянул шофрёру.

Тот взял и куда-то спрятал. Включил зажигание. Машина завелась с пол-оборота. Через минуту они были уже за городом.

Ехали по весенней парной земле, между озимей и лугов. Плыли по узкой протоке в лесу, между зелёными берегами. Взирались по склону холма к редким облачкам в вышине.

Паскевич жадно смотрел в окно.

Нет, «не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием».*

Лес, лес, прогалина, охваченный лесами холм.

«...И ветер зелен, и листва.

.....
И конь на горе лесистой...»

На горе, на горе * лесистой * в зелень одетой * По косогору вниз мальчишка бежит обрыву. Долго-долго * Мать □ молодая, в вышиванке □ гонится следом * «Іванку!.. ва...»

Догнала. У самого обрыва. Схватила, руками обвила, в плечо лицом уткнулась. И он тоже - в её волосы, в запах любистка. Голову её рукой обнял...

Маршрутку тряхнуло на ухабине - Иван открыл глаза. Увидел.

Катерина не проснулась. Голова доверчиво улеглась у него на плече. Р ука, расслабленная, - на коленях у него.

Смежая веки, подавил дрожь внутри.

Нет, это не приснилось. Это и есть свобода. Её тёплое лёгкое дыхание □ в шею, внутрь.

Не потревожить бы...

Свернули к Паленковицам. На просёлке опять затрясло. Дробно, непрерывно. Не дорога - мелкий бес. Катерина проснулась.

- Ой! - Убрала руку, встрепенулась, волосы поправила. - Извини, Иван.

□ И не подумаю! □ Улыбнулся и про себя договорил: «Благодарить надо. Тебя. И Бога □ то, что послал *□ □ Ты помнишь, Катя, песню: «Дорогие минуты нам даровал»?*

Она помнила. Она поняла. Вся засветилась изнутри. На мгновенье. И погасила улыбку.

- Потом, не здесь, я спрошу тебя... о многом. И ты мне расскажешь, ладно?

□ Думаю, надеюсь, что времени нам хватит... □ Посмотрел в её теплые глаза. О согласились.

Помолчав, она спросила:

- Ты из-за меня поехал?

- Да. - Сказал тихо, но она услышала.

Вдали, за излучиной реки, показались Паленковицы.

Те же? Такие же?

Они подошли к незнакомой улице.

Здесь он родился и вырос.

Первые шаги. Первопуток. Хаты сбросили с себя солому и гонт.***** Покрылись красной черепицей. Кое-где выросли молодые особняки, принаряженные декоративным кирпичным одеянием.

Но на повороте к сельсовету всё ещё стояла одна знакомая, выморочная. Жаловалась на старость, на сиротство □ дверь, висевшая на одной петле, колеблемая ветерком издавала жуткий тихий скрежет. Травой запустения поросло подворье.

В хате жила когда-то вдова героя войны. Бездетная. Сыновья, один за другим, ушли в армию, да там и остались, оставив мать куковать-доживать в этом ветхом родовом гнезде. Да... ревностная прихожанка была, и, видно, давно уж переселилась на погост.*****

«Ой, на цвИнтар живучи, не наплачешься, тож мовчи».*****

Давно, в детстве, слышалось это. Поговорка такая. Или песня?

«Этот стон у нас песней зовётся...»*****

Иван вздохнул, посмотрел на Катю, медленно идущую рядом. Комок тревоги подкатил к самому горлу.

Откуда? Почему?

Пронзительное ржание донеслось из-за поворота: резвый стригунок перебегал дорогу. В призакатном плеске солнца пегая масть отливалась бронзой.

Иван посмотрел вслед убегающему. Там, на спуске к реке, стояла когда-то конюшня. И был день: вуйко***** Богдан подсадил небожа,***** нога вошла в стремя □ и, о, □ не высказать этого! □ далёкие холмы качнулись легонько, и вся она, вся зелень одетая, объятья распахнула.

- Ещё далеко? - Катя спросила.

- Видишь вон тот дом?

- Да.

- Там теперь сельсовет.

Сель-со-вет. Дом почти не изменился. Только время, ненастное, домешало бурый оттенок в красный цвет кирпича. Да крышу кое-где подлатали новой черепицей. Да вывеска появилась над входом: знайте и помните - учреждение здесь.

Из парадной двери женщина вышла. Сделала шаг, другой. Установилась на крыльце. Серьёзная. Статная. Монументальная. Вся из себя государственная.

Паскевич не решался подступиться. Катя поставила ногу на нижнюю ступеньку.

- Вы ко мне, молодые люди? - оттуда, с возвышения.

- Может, и к вам. Скорее всего, к вам... - Катя не договорила. Выжидала.

- А в чём дело?

□ Нам справка нужна. Муж соседкин, Демьянов его фамилия, был когда-то здесь председателем сельсовета. Здесь и погиб. Как говорит соседка, на боевом посту □ в кабинете. А... а вы теперешний председатель?

- Я та, которая вам нужна. Я секретарь сельсовета. Краснощёкова, Людмила Петровна. Катя обрадовалась:

- Вот и хорошо. Меня Катя зовут. А его, - в сторону Паскевича головой повела: - Иван.

□ Н-да... □ Людмила Петровна взглянула на Паскевича мельком. □ Боюсь, молодые люди что не совсем хорошо получается. Бумаги все за прошлые годы в архиве. А он в подвале. А подвал на замке. Ключи □ у Свиридовны, уборщицы, а Свиридовна в город уехала, к сыну. Только завтра вернётся.

- Что же нам делать? - Катя поднялась на вторую ступеньку.

- Завтра я посмотрю бумаги и выпишу вам справку. Вам придётся у нас переночевать.

- У вас? А где это?

□ Как □ где? □ Ответственный работник □ секретарь слегка обиделась. □ у гостиничная комната есть.

Катя и Паскевич молчали, каждый по-своему. Людмила Петровна взглядом их накрыла.

□ Пойдём! □ Не пригласила □ бросила слово пришельцам. Просителям. Отрывисто,резко. Как вертухай. И пошла в дом, не оборачиваясь. Катя - за ней. Иван посмотрел им вслед. Минута, исполненная десятью годами, истекала медленно-медленно. Он не двигался. Молчал, молчал. Молился. Чтобы порог переступить.

Теперь уже не детская - надпись на двери: секретарь.

В углу как стоял, так и остался дубовый шкаф.

Его занесли, установили, чтоб не шатался, батько сказал: «Иванове й Миколине багатство тут буде. Неоц ненне - книжки».*****

Бумажной требухой полки теперь завалены. Папки. Подшивки. Журналы. И, наверное, отчёты, отчёты...

И стол у окна. Высокий, двутумбовый. Вместо двух кроватей, Мыколыной и...

□ Документы у вас есть? □ Вопрос оттуда, из-за стола, □ секретарь спросила. И ответила сама себе: - А ладно, не надо. На вас посмотреть - сразу видно: пара.

□ Нет, почему же? □ Катя блестящую красную книжечку достала из сумочки. □ пожалуйста.

□ «Со-юз художников эс эс эр». □ Людмила Петровна прониклась благоговением. Нечасто гостят у нас люди искусства. □ Отдавая книжицу, слегка поклонилась даже: □ меня, знаете, сынок тоже художником хочет быть. Рисует □ где только может. На стенах начинал, пастиком. А нонче в альбо-омах □ бурёнок, порослят. Я ему говорю: давай нарисуй голубя, лебедей. А он: нет, мама, от порослят больше пользы. Малый ишо, семь годков, а всё понима-ат...

Катя кивнула, улыбнулась. Одобрила:

□ Вы знаете, я очень люблю детей, особенно художников. А если анималист □ который свинок рисует или овечек □ просто умиляюсь. Завтра пусть ваш сын принесёт сюда рисунки - я посмотрю. Может, подскажу что-нибудь.

□ Хорошо. □ Людмила Петровна поднялась. □ Вот вам ключ от нашего люкса □ после дверь по коридору. А я ухожу. Вы уж извините, дверь парадного снаружи запру. На улицу можно через заднюю выходить. Пойдёмте.

Распрощались, и секретарь ушла.

Иван и Катя прошли в гостиничную.

Ничего здесь не изменилось. Паскевич стоял у порога и не мог двинуться дальше.

- Что такое, Иван? - Катин голос - как журчанье родника. - Что с тобой? Что случилось?

- Ностальгия. Ты... ты знаешь, где мы сейчас?

- Иванко, тебе незддоровится?

□ Не то слово. Как можно себя чувствовать в доме, который был когда-то родным и остался родным, но в чужие руки, в лапы чужие попал? Знаешь, где мы?.. В спальне родителей... моих родителей...

□ Я не знаю, что тебе сказать * □ Голос её задрожал. □ Давай помолимся и послуша...

что нам Иисус скажет.

Опустились на колени. Паскевич глаза закрыл. Чтоб из комнаты уйти к своему Господу.

Губы зашептали чуть слышно:

□ Мой Отец, Спаситель мой, услыши меня, Господи! Удали эту боль, уйми тоску мою. Она удаляет от Тебя. И сердце мне жить не даст. Будь милостив, Господи. Дай силу прожить эти несколько часов. Здесь, но только с Тобою, с Тобою. Дай руку мне, подними меня.

И встал на ноги. И Катя встала. И тихо сказала:

- Аминь.

□ Да, Господи, благодарю Тебя. □ Паскевич вздохнул. Воздух зашатался □ тяжест...

груди - мотыльком, лёгким, невесомым, выпорхнула - в окно вылетела, в ночь.

И □ как такое могло наступить? □ голод заворочался внутри. Последняя, утренняя, пайка в тюрьме весь день поддерживала и вся изжилась к вечеру. Как же теперь? Зря ты, мужик, ничего не купил в гастрономе...

- Иван...

- Да?

- Давай будем ужинать. И беседовать.

Паскевич виновато посмотрел на Катю. Она не ответила взглядом □ склонилась над сумкой, выкладывала на стол сыр, колбасу, булочки, ещё какую-то аппетитную снедь.

Невольно - у Ивана вырвалось:

- Какая роскошь!

- Слава Богу! Поблагодарим Его.

Паскевич ладони сомкнул и сказал Иисусу:

□ Благослови, Господь, этот твой дар. Ты посылаешь то, на что мы и не надеемся. Катя и я благодарим Тебя. За всё, Господи. Аминь.

- Аминь.

Давно забытый вкус ветчины, домашней, с дымком. Нежный сыр. Ежевичный морс *. Откуда всё это? Откуда такая Катя, скажи, Господи! От Тебя?

Катя светилась покоем изнутри. Тихо-тихо. И ждала. И всё же спросила:

- Ну как?

- Как на длительном свидании.

- На каком? На длительном?

- Знаешь, я сегодня из тюрьмы вышел. Ты, может, поняла это...

- Нет. Я же тебе сказала: я о многом хочу тебя расспросить.

□ Я сам расскажу. Зэкам один раз в полгода свидание дают. Длительное называется □ а

на трое суток. А бывает, только на сутки, но всё равно длительное. Приезжает кто-нибудь из родственников. Понятно, что прежде других жена. Вкусную всячину привозят – сами не едят, для нас берегут...

Ко мне никто не приезжал. Родители умерли, когда я срок тянул, я у них поздний. А дом, вот этот, где мы сейчас с тобой как гости, брату завещали, а он был на Кубе, дом за бесценок продал, а потом и погиб там. Так что некому было ко мне приезжать. Но однажды я ухитрился побывать у друга на свидании. Это не так, как если к тебе самому приезжают...

Глядя на Катю, Иван отпил из стакана морсу.

– Ведь не только еду, сытную хавку,***** жена привозит зэку...

□ А * □ Преодолев несознаваемое сопротивление внутри, Катя проговорила: □ А жених нельзя было?

– А кто пойдёт за такого?

– Ну... знакомые были у тебя, не сомневаюсь.

□ Были, я тогда на первом курсе учился, на филфаке, и * была одна. Вроде как и было. Меня за неё побили. Жестоко. Я упал, они стали уходить. Я вскочил, схватил камень, догнал их и самого ненавистного – в затылок!..

Потом она приходила на следствие □ вызывали. А на суд не пришла □ не вызвали. Теперь, если бы стал рисовать её по памяти, □ не сумел бы. Земляки говорили □ замуж вышла. Двое детей. Всё, как у людей...

– Иван, а ты рисуешь?

– Да, карандашом, тушью.

– По памяти? С натуры?

– И по воображению. То, чего нет перед глазами...

Катя улыбнулась:

– Но что оживает в сознании... – Спросила она или продолжила?

– И что оживляет сознание. – Иван улыбнулся. Чуть-чуть грустно: –

Иисуса – думаю о Нем постоянно – нарисовать не могу, никак не получается...

– А образ Его представляешь?

– Да, я вижу Его.

– А где Ты с Ним встретился? Впервые...

□ В Евангелии. Когда оно ещё под запретом было. Один человек, верующий, оставил когда срок отбыл...

Помолчал, потом выдохнул:

– Тех, кто чем-то похож на Иисуса, тех рисую...

Катя встала из-за стола, посмотрела на Паскевича. В глаза:

– Меня можешь нарисовать?

Молча – губы имя спели. Вылепили имя.

– Могу...

Лунный свет размыл следы кощунственной порубки.

Эскизы немногих оставшихся деревьев творили былой образ. Перед глазами сад вырастал. Тот самый, привлекающий взгляд.

Присмирел в ночи, увитый молочным свечением луны. Душу приветил. Звал к себе. Чтобы выжить. Чтоб расцвести.

«Ничего я не могу. – Паскевич сжал зубы, чтобы не завыть. – Не хозяин я здесь. Прости...»
Отвернулся, ушёл в дом.

Катя спала. Одеяло едва прикрывало ноги. Свет ночника был тёплый, непрестанный обливал её, купал. Иван склонился над ней, коснулся рукой плеча.

Она пробудилась, мягко отвела его руку:

– Не надо. Не надо брать то, что на поверхности. – Смотрела с такой лаской, что Иван покривился, закашлялся. Потом проглотил лёгкую досаду, спросил:

– Ты будешь моей, Катя? Я люблю тебя. Я люблю тебя уже десять лет. Десять лет я видел тебя такую, как теперь.

– Как же это, Иван, – не видя меня, никогда, и – видел?

– По воображению. Но теперь благодарю Отца за то, что натура превосходила воображение.

– Знаешь, смотрела на твой рисунок...

– И что?

– Неужели я такая?..

– Какая?

– Ну... небесная.

– Такой я тебя вижу.

– Минуту назад ты видел меня другой.

Иван опустил голову, глаза – долу.

Катя зашептала, громко-громко:

– Иванко, я тоже тебя люблю. Но давай попросим у Отца благословения. В церкви.

– Конечно, Катруся. Ведь Иисус говорит нам с тобой: «без Меня не можете делать ничего» (Ин 15:5). Ты извини меня за минутную слабость.

– А с Ним, с Иисусом... будет то, что нам и не снилось, правда, Иванко?

– Да, Катя, да! Мне уже за тридцать, уже детей пора иметь...

– Всё будет, Иванко, и дети. Если Бог пошлёт.

– Хлопчика? Я хочу хлопчика.

Катя засмеялась:

– Даст хлопчика – будет хлопчик.

– Вихрастый?

– Такой, как ты! Вихрастый, конечно. Темноволосый.

Паскевич помрачнел:

– И... И где же это всё будет? Здесь места нет нам. Только эта ночь – наша.

– Не печалься, Иванко. У меня есть дом. У самого моря. Папа с мамой оставили. Папа очень любил её. Она, когда меня рожала, умерла. А папе без неё в Киеве не жилось, он оставил профессуру, и мы переехали в Крым, и стали жить: папа, бабушка и я, и когда бабушка умерла от старости – мне тогда было двадцать лет, – папа умер от инфаркта тоски, он ещё не старый был, пятьдесят восемь лет.

– Родная ты моя! – Паскевич раскинул руки.

– Подожди, Иван. Подожди. Ты не всё ещё знаешь. Я люблю тебя и поэтому надо сказать всё. Я была замужем.

– Да? И что? Где он?

– Он... Он был. Он был красавец мужчина. Породистый. Он карьеру сделал. За внучку

министра отдал себя ─ в замен за карьеру ─ при живой жене. Развод уже потом оформили три года назад, когда моя последняя выставка, мягко говоря, не имела успеха... И с того времени – никого у меня.

─ До нынешнего дня. ─ Иван присел на кровать. Рядом с Катей. Обнял, легонько осторожно. – Я люблю тебя. Бог видит и знает это. Ты моя.

─ Да. ─ Она сняла руку с плеча, положила на его ладонь свою. ─ Ты знаешь это, Господи. Потому что мы Твои дети...

За окном, в глухой ночи, запели первые петухи.

...Точно, лязг железа. Засов гремит. Вертухай барак отпирает.

– Вставай, Иванко... – Катина рука на плече. – Нам пора.

– Да?! – Паскевич вскочил.

Нет, это не барак. Это та же спальня. Родительская – в прошлом.

Гостиничная теперь комната, в сельсовете. Поскорей отсюда!..

Они зашли в секретарскую. Людмила Петровна поднялась навстречу:

– Доброе утро. Справку я уж выписала вам.

─ Хорошо, спасибо. ─ Катя слегка поклонилась. ─ Не знаю, как благодарить вас * А же ваш сын? Где рисунки?

– Он сделал из них кораблики. Я уже художник, говорит, а теперь буду моряком.

─ Ну что ж * ─ Катя усмехнулась. ─ Счастливого плаванья! Семь футов под килем! А будем прощаться с вами.

─ А вы у нас не погостите ещё? ─ Людмила Петровна посмотрела в окно. ─ У нас чудесные места есть.

– Да нет, хватит, нагостились. – Паскевич прокашлялся. – Нам пора.

Чуть не обмолвился: пора на выход. Как после длительного свидания.

На улице, как только вышли из дома, голубизна с высоты резкой болью в глаза врезалась. Где-то совсем недалеко запоздало заорал петух.

Пыльная улица, со вчерашнего дня узнаваемая, вела прямо в город. Обратно.

Паскевич шёл медленно, опустив голову. Катя молчала.

Маршрутка уже стояла на остановке. Ожидала.

Вошли. Уселись.

Свирепым рычаньем двигатель заглушил галдёж окружающих. Тронулись, поехали.

Паскевич не смотрел в окно, сомкнул веки. Катя прижалась к нему. Зернышко, запавшее ночью в душу, проклонулось, проросло, цвет пустило.

─ Ой, Иванко, мне так тревожно, не знаю ─ почему. ─ И в ухо: ─ Не надо было нам. Мне не надо было ТАК... ночью. Хороший ты мой...

Руку – ей на плечо, к себе эту душу!..

– Успокойся, моя славная. С нами Бог.

Но трясло, трясло ─ почти до самого города. Старый мотор захлёбывался, кашлял, но работал, до конечной дотащил без остановок.

Скамья у входа в автовокзал была пуста. Иван поставил сумку, посмотрел на Катю:

– Я отлучусь...

– Иванко! Возвращайся поскорее...

– Вернусь!.. – Уже издали. Удаляясь...

Какое богатство развернулось на этом рыночке! Стихийный, а сколько всего тут!

Нежная брынза. Творог с прожелтью масла. Зелень...

И тюльпаны. У человека несомненно восточной наружности. Яркие, зовущие.

- Мне три.

- Жёлтые?

- Вот эти. Красные.

- Десят рублей.

- Вот, возьмите, пожалуйста.

Восточная наружность благодарно поклонилась. Умеют же люди быть обходительными!

Когда это нужно.

Нужно... Ещё огурчиков нужно. И ещё...

□ Ой, що ж це д'ється! □ Тётка рядом, чуть слева, завопила отчаянно: □ Укради! От тльяли, от зараз були грош - нема вже! Люди, людоњки!..*****

Базар в одно мгновение объединился общим любопытством. Внимание сотен глаз сосредоточилось на площадной мистерии, непридуманной и нежеланной для Паскевича. Он подался в сторону.

Но в следующее мгновение возник откуда-то цветной.***** Будто из-под земли. Будто в скверной пьесе. Но - не вымысел, не призрак. Наяву.

□ Стой! □ За руку схватил. □ Я давно за тобой наблюдаю, парень. Пойдём. □ И притих тётке: - Вас, гражданка, тоже попрошу пройти за мной.

Пошли, так пошли. На другую сторону улицы. По брусчатке, выложенной веером, гладко отшлифованной.

Да, Господи, пророку Ионе не удалось. А теперь, в эту минуту, может быть, удастся?

Иван резко дёрнул на себя мента, вывернулся из-под него и к браме побежал □ близкой, открытой.

Мелькнула сбоку тень какая-то. Тюльпаны на тротуар упали, лепестки рассыпались. Сознание взрыв потряс, ослепил.

Глухие удары из потусторонней жизни чёрными пятнами расплылись по лазоревому плёсу морской лагуны. В воде тонул мальчишка. Тёмные, замытые водой волосёнки. Ручки, машущие к берегу...

И вдруг явилась Катенька, Катруся. С рисунка, с экспромта. В воду бросилась. И вода затопила всё-всё.

...Окатила холодом. Переменила. Промыла и открыла глаза. Заставила посмотреть: на потолок, подёрнутый копотью, и на лампочку в углу, за решёткой, на дымный свет, на окошко в двери, шестиугольное.

Да, чрево кита. Но другое. И Ниневия другая ожидает. Другого пророка.

И себя оглядел. Заставил подняться с цементного пола, сел на грубую плаху лавки.

«Господи, мы попались. Мы вернулись, Господи. По Твоей воле... Господи, Господи, а Катя? Где она? Ведь и адреса нет. Думали, отправляемся в гнездо уютное, домой...»

«Спокойно, Иван. Ты вошёл в покой Божий. Не зaborься ни о чём. Я Сам обо всём позабочусь».

Неожиданный скрип царапнул кожу - открылась дверь.

Цветной, уже другой □ кряжистый, державный □ нарисовался в проёме. Грассир баритоном, пригласил:

- Пожалуйте к барьеру, сэр. В дежурку.

За ограждением, на возвышении, ответственный лейтенант вылавливал криминал из разложенных на столе бумаг.

□ Паскевич Иван Андреевич. □ Не отрывая глаз от стола: □ Освободился из колес усиленного режима. Когда? Ах, вчера. □ Орлиным оком в Ивана впился: □ Недолго музыка играла...

Вертухай – за спиной, наготове – угодливо-подобострастно поддакнул-подпел:

- Недолго фрайер танцевал!

□ Я знаю вашу песню, Иван Андреевич, □ ты, конечно, ни в чём не виноват! □ Лейтенант улыбнулся. Приветливо, сладко. □ И тем не менее □ будешь сидеть. По статье сто сорок две части второй. За карманную кражу. Гражданка Прищепа, у которой ты украл кошелёк, показала, что в нём было восемьдесят пять рублей. Столько же обнаружено у тебя в кармане. В одном. А в другом □ какая-то мелочь. За эти восемьдесят пять рубликов заплатишь пятью годами.

□ Пять лет □ не вечность, гражданин начальник. □ И беззвучно □ Иисусу: □ Всё Господи, – с Тобой...»

□ Ясное дело. Тебе не привыкать. Лейтенант опять заглянул в бумаги. □ А, так ты ещё местный!

- Да, гражданин начальник. Из мест лишения свободы.

- Туда же и отправишься. – И вертухаю: – Уведи его.

- Одну минуту, гражданин начальник!

- Что такое?

- Мы, наверное, больше не увидимся. Я хочу вам сказать: Иисус любит вас, мой Иисус.

- И что с того?

- Вы познакомьтесь ближе с Ним – и поймёте.

- Да? Ты правду говоришь? Но тебе же нельзя верить.

□ Мне □ не надо. Вы посмотрите □ как в Евангелии. Внимательно, без предубеждений. Тогда, я надеюсь, поверите.

- Пойдём. – Тяжесть легла Ивану на плечо.

Они пошли по длинному коридору, милиционер и Паскевич – перед ним, не впереди.

=====

* строение при входе в зону, куда помещают вновь прибывший ээков.

** надсмотрщик (арго).

*** Ф. Г. Лорка. Сомнамбулический роман.

**** См.: Евангелие от Матфея, гл. 26, ст. 57 – 75.

***** спеши медленно (лат.)

***** Экклезиаст, гл.1, ст.8.

***** Песнь возрождения, М., 1999, №679.

***** дранку (укр.)

***** здесь: кладбище возле храма.

***** Ой, живя на погoste, не наплачешься, значит □ молчи (укр.). В.И. Далль приводит российское соответствие ётой поговорки (песни?): «На погoste живучи, над покойниками не наголосишься».

***** Н.А. Некрасов. Размышления у парадного подъезда.

***** дядя со стороны матери, брат матери (укр.)

***** племянника (укр.)

***** еду (арго).

***** Ой, что ж это творится! Украли! Вот только были, вот сейчас были деньги - и нет уже! Люди, люди!.. (укр.)

***** милиционер, но не в зоне, а на свободе - так называемой (арго).

© Copyright: Евген Аксарин, 2008

Свидетельство о публикации №2807100318

Yevhen Aksarin

March 11, 2010

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/4288>

© Copyright 2026, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com